

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Б. СКИРКЕВИЧУТЕ

В данной статье речь пойдет об одной из характерных черт современного французского языка — о предложениях, начинающихся с сочинительных и подчинительных союзов, но имеющих форму самостоятельного предложения. Эти как бы добавленные предложения, выходящие за пределы основных норм литературной речи, привлекают к себе особое внимание.

В последнее время в русской лингвистической литературе все большее внимание уделяется вопросу о присоединительных связях в современном русском языке. О сочинении и подчинении после разделительной паузы писал А. М. Пешковский¹, а сам термин „присоединительные союзы“ принадлежит академику Л. В. Щербе², хотя этот термин относился только к сочинительным союзам, выступающим с присоединительным значением. Л. В. Щерба выделяет эту новую категорию союзов, указывая на большую близость ее к категории союзов сочинительных и на текучесть границы между ними.

Академик В. В. Виноградов в своем известном труде „Русский язык“³ значительно углубляет и расширяет вопрос о присоединительных связях. Он вскрывает сущность присоединительных связей и указывает на их тесную связь с народной основой.

В Академической грамматике русского языка присоединение определяется как „такая связь двух предложений в составе сложного, при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения или возникшим по поводу него“⁴.

Этому вопросу посвящена статья С. Е. Крючкова „О присоединительных связях в современном русском языке“. С. Е. Крючков подчеркивает, что незнание с вопросом о присоединительных связях, с характерными осо-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 477—500.

² Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957, стр. 80—81.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 713—715.

⁴ Грамматика русского языка, т. II, ч. 2, М., 1954, стр. 257.

бенностями, смешение их с сочинением и подчинением часто приводят к неправильным оценкам их, вплоть до признания их ошибками. В статье отмечается целый ряд особенностей, отличающих присоединительную связь от сочинительной и подчинительной. „При присоединении второй элемент возникает в сознании как бы в самом процессе высказывания — дополнительно; при этом очень часто бывает пропуск некоторых промежуточных звеньев; присоединение обычно сопровождается той или иной экспрессией; значения присоединительных связей вскрываются в широком контексте. Присоединение представляет собою как бы добавочное суждение“⁵.

Присоединительная связь бывает двух основных типов. Первый тип связан с сочинением, второй — с подчинением. С. Е. Крючков отмечает, что „присоединительные конструкции, соотносительные с сочинением, типичны для непринужденной разговорной речи;... Присоединительные конструкции, связанные с подчинением, несут оттенок книжности, как и само подчинение“⁶.

Данному вопросу посвящена и монография Л. Г. Хатиашвили, в которой подробно анализируются типы присоединительных связей в русском языке, структура и синтаксические особенности присоединительных конструкций, стилистико-художественные функции присоединения⁷.

Это же явление наблюдается и в немецком языке. Как говорит В. В. Гаврилова, „...данное явление широко представлено в речи и в современной немецкой художественной литературе“⁸. Она отмечает, что присоединительные конструкции в языке художественной прозы являются средством выражения большого эмоционального экспрессивного содержания.

Е. В. Гулыга, исследуя это явление в немецком языке⁹, называет его сепаратизацией и, анализируя только присоединение подчиняющими союзами, замечает, что это явление сравнительно новое и что оно используется преимущественно писателями XX века. Анализируя дробление сложного целого на компоненты, Е. В. Гулыга отмечает становление автосемантики в главном, которое утрачивает все элементы, требующие раскрытия, и сохранение синсемантики в придаточном — союзы и порядок слов в немецком языке.

⁵ С. Е. Крючков, О присоединительных связях в современном русском языке, — Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950, стр. 400.

⁶ Там же, стр. 411.

⁷ Л. Г. Хатиашвили, Присоединительные связи в русском языке, Тбилиси, 1963.

⁸ В. В. Гаврилова, Присоединительные конструкции и их стилистическое использование в произведениях современной немецкой художественной прозы, Автореферат канд. дисс., Л., 1959.

⁹ Е. В. Гулыга, Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных, НДВШ, ФН, 1960, № 4; Место сложноподчиненного предложения в системе синтаксиса, НДВШ, ФН, 1961, № 3.

Е. В. Гулыга видит в расщеплении сложноподчиненного предложения в книжной речи особый стилистико-грамматический прием с экспрессивной нагрузкой.

Вернемся теперь к французскому языку. Распространение таких конструкций в современном французском языке было отмечено некоторыми французскими лингвистами. М. Коэн говорит о том, что все чаще и чаще мы встречаемся с синтаксическими элементами, которые начинаются с подчинительного союза и стоят между двумя точками. Такое предложение, говорит он, нельзя считать придаточным, потому что оно изолировано от какой бы то ни было главной части. Коэн указывает на то, что подобное явление гораздо важнее, чем это кажется на первый взгляд, что это новое посягательство на старые правила логики: „*c'est une atteinte sérieuse à la vieille idée de l'ordonnance logique de la phrase, avec tous les éléments constitutifs bien définis*“¹⁰. М. Коэн подробно не анализирует этой проблемы, но отмечает необходимость ее рассмотрения.

Среди работ советских лингвистов, изучающих присоединенные конструкции во французском языке, прежде всего хочется отметить книгу Е. А. Реферовской, в которой она подробно анализирует присоединенные конструкции и отмечает, что присоединение предложений очень характерно для современного французского литературного языка и что введенный писателями определенного направления прием присоединения прочно вошел в литературный язык и сейчас стал одной из характерных черт его синтаксиса¹¹.

Н. А. Шигаревская говорит о сепаратизации придаточных предложений и выделяет полную и неполную сепаратизацию¹².

И. А. Боевец в своих статьях^{13, 14} рассматривает союзные присоединительные конструкции, соотносящиеся по структуре со сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями, и дает подробный анализ данных конструкций.

В чем же заключается суть данного явления? Возьмем один из примеров:

Thérèse:

Si, maintenant que je suis au désespoir je t'ai échappé, Florent. Je viens d'entrer dans un royaume où tu n'es jamais venu, où tu ne saurais pas me suivre pour me reprendre. Parce que tu ne sais pas ce que c'est d'avoir mal et de s'enfoncer.
Anouilh, Sauvage, 134.

¹⁰ М. Cohen, Grammaire et style, éd. Sociales, P., 1954, p. 214.

¹¹ Е. А. Реферовская, Синтаксис современного французского языка, Л., 1969.

¹² Н. А. Шигаревская, Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи, Л., 1970, стр. 150—153.

¹³ И. А. Боевец, О присоединительной функции некоторых причинных союзов в современном французском языке, — Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та имени А. И. Герцена, 1970, т. 469, стр. 22—28.

¹⁴ И. А. Боевец, Ж. А. Винтман, Присоединительные конструкции в современном французском языке, Л., 1971, стр. 43—83.

Последнее предложение начинается с подчинительного союза. Оно добавлено уже после завершения предшествующей фразы. Однако заключенный в нем факт находится „к содержанию предшествующего предложения в логическом отношении, которое переходит через точку, выходит за пределы границы предложения и даже выражается союзом“¹⁵. Это предложение логически связано с предыдущим, и своей необычностью оно привлекает к себе внимание, так как выходит за пределы основных норм литературной речи. Факт, заключенный в присоединенном предложении, оказывается выделенным и как бы подчеркнутым. Эта „добавленная“ мысль могла бы быть выражена и самостоятельным предложением, но связь такого предложения была бы, несомненно, не такой тесной, чем связь присоединенного предложения.

Откуда же пришло это явление в литературный язык? По данному вопросу все лингвисты приходят к единому выводу. Истоки присоединительных конструкций уходят в живую речь, они — факт речи. Эти конструкции типичны для устной речи, откуда они проникают в письменный и литературный язык. „Они появляются в виде спонтанных добавлений к сказанному, пришедших на мысль говорящему уже после того, как фраза завершена или в момент ее окончания, когда конструкция предложения завершения завершена, когда оно не может быть продолжено дальше без нарушения его нормальной структуры“¹⁶.

И хотя эти конструкции употребляются не всеми авторами и не являются нормой литературного языка, они так часто встречаются в произведениях современных авторов, что уже трудно согласиться с Е. А. Реферовской, которая считает, что данные конструкции употребляются только писателями сюрреалистического направления. Вст далеко неполный список авторов, употребляющих упомянутые конструкции:

J. Anouilh, M. Aymé, S. de Beauvoir, G. Bernanos, M. Bernard, A. Camus, F. Carco, B. Clavel, P. Courtade, M. Duras, R. Martin du Gard, J. Giono, Ph. Hériat, J. Laffite, A. Maurois, H. Parmelin, Ch. Plisnier, R. Queneau, P. Randa, A. Robbe-Grillet, E. Roblès, J. Romains, F. Sagan, A. de Saint-Exupéry, N. Sarraute, J. P. Sartre, J. Simenon, Ph. Soupault, A. Stil, H. Troyat, Vercors.

Стиль этих авторов находится в тесном контакте с живой речью, поэтому он так выразителен.

Надо отметить пестроту в самом названии данного явления. Чаще всего мы встречаемся с наиболее общим названием „присоединительные связи, присоединительные конструкции“, Е. В. Гулыга же называет это явление

¹⁵ Е. А. Реферовская, там же, стр. 211.

¹⁶ Е. А. Реферовская, там же, стр. 212.

„сепаратизацией“. Как же определяется само добавленное предложение? У Е. В. Гулыги находим: „изолированное придаточное начинает функционировать в качестве самостоятельного, не превращаясь, однако, полностью в самостоятельное предложение“, или: „узловые структуры, имеющие внешние признаки подчинения, но функционирующие в качестве самостоятельных предложений“¹⁷. У Шигаревской: „построения, функционирующие в качестве независимых предложений, по своим формально-грамматическим характеристикам относящиеся к придаточным частям сложной синтаксической единицы“¹⁸. Н. А. Шигаревская, как и Е. В. Гулыга, называет данное явление „сепаратизацией“, а интересующие нас конструкции – общим названием „эмотивные предложения“.

Е. А. Реферовская не согласна с термином „парцелированное“, т. е. расчлененное на части предложение, который можно довольно часто встретить в лингвистической литературе. В таком случае предполагается, что имеется какое-то целое большое или сложное по своему строению предложение, разбитое затем на части, отделенные друг от друга точками и представленные в виде отдельных предложений.

Где же границы предложения?

Le comte:

Je n'étais pas décidé à mourir ce jour-là. Ni à vous tuer non plus. Mais, je vous aime bien, Villebosse. Anouilh, Répétition, 144.

De toute manière ce n'est pas exactement ceci que je fais. J'ai un bureau O où je m'ennuie, ajouta-t-il sur un ton d'excuse pour la prétention apparente de ce bureau. Sagan, Dans un mois, dans un an, 139.

„Возможность такого добавления отдельных членов предложения, оказывающихся за пределами предложения, так как они отделены точкой, еще раз свидетельствует о несовпадении языковых форм и форм логического мышления“¹⁹, – пишет Е. А. Реферовская и предполагает, что „... первоначальный стов предложения не стражал всей полноты мысли, которая по мере своего формирования обрастала новыми деталями, получала дополнения в виде присоединяемых по мере возникновения этих деталей отдельных элементов предложения, в виде предложений же, введенных разными союзами, или в виде членов предложения“²⁰.

¹⁷ Е. В. Гулыга, *Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных*, ИДВШ, ФН, 1960, № 4.

¹⁸ Н. А. Шигаревская, *Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи*, Л., 1970.

¹⁹ Е. А. Реферовская, там же, стр. 227.

²⁰ Там же, стр. 228.

Писатели, пользуясь присоединенными конструкциями, пишут так, как думают, свободно обращаются с фразой, прерывают ее и ставят точку, если она прерывается; если в их сознании возникают дополнительные детали, добавочные суждения, они посылают их вслед за уже сказанным, потому что эта первоначальная фраза „не отражает всей полноты содержания высказывания, которое постепенно, по мере своего формирования, обрастает новыми деталями, присоединяемыми к ранее сказанному и интонационно законченному предложению“²¹.

Нельзя не обратить внимания и на необычное, особое положение союзов, начинающих присоединенные предложения. Сочинительные и подчинительные союзы выступают при присоединении в новой роли, с новым значением, потому что присоединительная связь отличается от сочинительной именно своим смысловым содержанием. Новая функция сочинительных и подчинительных союзов, несбыточное их употребление и синтаксическое положение придают им особые, новые оттенки.

Например, сочинительный союз *mais* в присоединении может иметь свое противительное значение, иногда даже логически акцентированное; он может и придавать оттенок иронии, уступления, присоединять предложение, содержание которого является неожиданным для развития хода событий, а иногда значение *mais* настолько нейтрально, что означает больше, чем *et*.

Как и *mais*, одним из наиболее употребительных после точки союзов является союз *et*. Его можно назвать, говорит И. А. Боевец, *une conjonction à tout faire*. Как и в качестве сочинительного союза, он может передавать одновременность, последовательность в ходе событий и может придавать аффективную окраску, играть значительную смысловую и стилистическую роль.

Присоединительные конструкции, вводимые союзами *mais* и *et*, делают стиль более легким, живым, выразительным и в то же время простым.

Не менее богаты новыми оттенками значений и другие сочинительные и подчинительные союзы. Например, *or* может приближаться к союзу *mais* в его основном противительном значении и может служить формальной связкой.

Car может выполнять функцию причинного союза, служить для общего пояснения, добавочного сообщения, вводить и самостоятельное предложение, смысл которого может быть выведен из более широкого контекста.

Parce que может выражать обычную причинно-следственную зависимость, как и в сложноподчиненном предложении, а может и усиливать или менять

²¹ Е. А. Реферовская, там же, стр. 228.

свое значение; возможно ослабление значения причины, превращение ее в мотивировку, пояснение, в формальную связку.

Одно из отличий сложного целого от сложного предложения как раз и заключается в несовпадении семантики союзов по сравнению с их традиционными значениями.

В коротком обзоре невозможно перечислить все новые оттенки всех сочинительных и подчинительных союзов, присоединяющих данные конструкции.

Приведем примеры:

Ce, que j'en dis, c'est uniquement pour son bien. Pour qu'elle s'habitue. Pour qu'elle arrive à sortir un peu de sa molesse. Clavel, Voyage, 11.

Le conte:

Imagine, Héro, qu'un jour tout se mette en place autour de toi. Que tout devienne simple et paisible; mais en même temps, inaccessible. Anouilh, Répétition, 81.

„*Ce que j'en dis, c'est uniquement pour son bien, pour qu'elle s'habitue, pour qu'elle arrive à sortir un peu de sa molesse*“ или: „*Imagine, Héro, qu'un jour tout se mette en place autour de toi, que tout devienne simple et paisible; mais en même temps, inaccessible*“.

Замена в этих примерах точки на запятую не влияет на семантику, содержание ничуть не изменилось; значит, пауза является в этом случае только формальным моментом, и присоединенное предложение носит лишь экспрессивный характер; сообщаемый в нем факт как бы подчеркивается. Но вот другой пример:

Et nous autres on passera encore notre Noël sans elle! Tous seuls comme des bêtes. Parce qu'il faut qu'elle reste à trimer comme une esclave. Clavel, Voyage, 51.

Попробуем в этом случае заменить точку на запятую:

Tous seuls comme des bêtes, parce qu'il faut qu'elle reste à trimer comme une esclave.

Как видим, теперь союз в присоединенной функции начинает предложение, не находящееся в прямой причинной зависимости от предыдущего сообщения и соотносится с более широким контекстом; значение компонента, присоединенного союзом после точки, шире, чем семантика придаточного предложения. Ведь придаточное предложение соотносится по смыслу только с главным предложением.

Пауза перед союзом может являться, как видим, не только формальной связкой, но и влиять на характер всего высказывания, на его семантику.

Присоединительные конструкции имеют свои структурные и семантические особенности, и они не равнозначны сложным предложениям. В этих примерах „проявляется одна из особенностей сложного синтаксического целого – возможность большей свободы компонентов, чем в сложном предложении, их относительная самостоятельность“²². Между элементами сложного синтаксического целого существуют иные отношения, чем в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, замена точки на запятую в большинстве случаев привела бы к искажению смысла высказывания.

Присоединительные связи являются средством так называемого экспрессивного синтаксиса. К какому же разделу отнести изучение присоединительных связей: к синтаксису или стилистике? Связь синтаксиса и стилистики во многих случаях бывает очень тесной, поэтому, как говорит Л. Г. Хатиашвили, нужно „рассматривать эти связи в обоих разделах: и в синтаксисе (со стороны грамматического выражения данного типа связей, их синтаксических особенностей), и в стилистике (со стороны их использования в языке, их стилистических возможностей“)²³.

А стилистические возможности присоединительных конструкций очень богаты. М. Коэн писал: „*Pour le métier littéraire, on a là des possibilités très grandes de variété dans la souplesse*“²⁴. Присоединительные конструкции служат для выражения экспрессии особого эмоционального колорита произведения, они передают общее настроение, пронизывающее весь текст. Благодаря им возникает как бы особый ритм. Таким образом, присоединительные конструкции являются активным средством большого эмоционально-экспрессивного содержания, они передают настроение и переживания героев. „Как и всякое приближение к живой разговорной речи, присоединительные конструкции значительно оживляют литературный язык, делают изложение более красочным, ускоряют его темп, словом, приближают литературную речь к живой, заставляют ее звучать“²⁵.

Одной из характерных черт присоединения является ритмико-мелодическая сторона таких конструкций: понижение голоса перед присоединением, более или менее большая пауза, произнесение присоединяемой части с особой интонацией. У присоединенных предложений другая интонация, чем та, которая свойственна сочиненному и подчиненному предложению: ведь они следуют за точкой, которая обозначает более или менее значительную паузу, и союзы, начинающие эти новые предложения, оказываются под ударением.

²² И. А. Боевец, Ж. А. Винтман, там же, стр. 68.

²³ Л. Г. Хатиашвили, там же.

²⁴ М. Коэн, там же.

²⁵ Е. А. Реферовская, стр. 213.

Присоединительные конструкции прочно вошли в современную литературную речь и требуют глубокого и всестороннего рассмотрения.

С о к р а щ е н и я

- Anouilh, Répétition — J. Anouilh, La Répétition ou l'Amour Puni, Paris, 1951.
Anouilh, Sauvage — J. Anouilh, La Sauvage suivi de L'Invitation au Château, Paris, 1958.
Clavel, Voyage — B. Clavel, Le voyage du père, Paris, 1965.
Sagan, Dans un mois, dans un an — F. Sagan, Dans un mois, dans un an, Paris, 1957.
- Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Prancūzų kalbos katedra
- Įteikta
1972 m. rugsėjo mėn.

APIE PRIJUNGIAMĄSIAS KONSTRUKCIJAS DABARTINĖJE PRANCŪZŲ KALBOJE

Reziumė

Dabartinėje prancūzų literatūroje randama sakinių, kurie prasideda sujungiamuoju arba prijungiamuoju jungtuku, tačiau turi savarankiško sakinio formą. Tokios prijungiamosios konstrukcijos yra labai dažnos dabartinėje prancūzų literatūrinėje kalboje. Šios konstrukcijos, tapusios vienu charakteringiausių moderniosios prancūzų sintaksės bruožų, atėjo į literatūrinę kalbą iš gyvosios ir, be savo komunikatyvinės funkcijos, turi labai turtingas stilistines galimybes.